

А.А. Ярлыкапов

ОПЫТ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСЛАМА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ¹

Владимир Николаевич Басилов, памяти которого посвящен наш семинар, сыграл большую роль в формировании круга моих научных интересов. Придя к нему в аспирантуру с намерением изучать доисламские верования ногайцев, я в итоге защитил диссертацию на тему «Ислам у степных ногайцев». Посвятив все свои силы изучению доисламского наследия народов Средней Азии и Кавказа, Владимир Николаевич в последние годы жизни пришел к пониманию того, что назрела острая необходимость этнографического исследования непосредственно самого *ислама* у этих народов. К сожалению, В.Н. Басилову не суждено было воплотить до конца эти идеи, но он успел дать толчок в этом направлении своим ученикам, к коим отношу себя и я.

В рамках индивидуального исследовательского проекта «Ваххабизм на Северном Кавказе», который я разрабатываю при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, с 16 апреля по 26 мая 2000 г. состоялся экспедиционный выезд на Северный Кавказ – в Карачаево-Черкесскую и Кабардино-Балкарскую Республики, Нефтекумский и Минераловодский районы Ставропольского края.

Говорить, что я приехал исследовать проблему ваххабизма, означало бы просто провалить полевую работу, поскольку одно упоминание этого слова наглухо закрывает доступ к общению с людьми. Однако даже словосочетание «современный ислам» (под которым я завуалировал цель своего приезда) явно насто-раживало моих собеседников. К примеру, глава администрации Адыге-Хабльского р-на Карачаево-Черкесии М.Н. Шебзухов, узнав о цели моего приезда, не стал со мной разговаривать, посоветовав поехать в Черкесск и получить на это особое разрешение (!). Некоторые интересовались, не связана ли моя миссия с ФСБ, а имам соборной мечети с. Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края, несмотря на то что меня привез глава сельской администрации, при этом подробно разъяснив цель приезда, стал требовать от меня документального подтверждения в виде «какого-нибудь удостоверения».

Все эти факты довольно симптоматичны. Говоря словами одного из моих собеседников, «быть мусульманином на Северном Кавказе с каждым днем становится все труднее». Меня в ходе полевых работ больше всего поразила настороженность, с которой мои собеседники воспринимали тематику исследований. Во многом это, конечно, объясняется сложной обстановкой, сложившейся в регионе в результате боевых действий в Дагестане и Чечне. Однако значительная доля вины лежит, на мой взгляд, и на представителях властных структур и СМИ, которые порой ставят знак равенства между исламом и радикализмом, что в столь сложном регионе, как Северный Кавказ, совершенно не допустимо.

Между тем в ходе проведенных полевых исследований удалось выяснить, что в регионе сегодня сохраняется масса факторов, способствующих успеху фундаменталистской пропаганды. Среди них немаловажное значение имеет невежество основной массы мусульман в вопросах религии, которое досталось нам в наследство от времен советского атеизма. Вопреки устоявшемуся среди ученых-исламоведов мнению о том, что на Северном Кавказе распространены два мазхаба — ханафитский и шафиитский, на самом деле фиксируются, во-первых, весьма слабое представление о том, чем мазхабы отличаются друг от друга, и, во-вторых, бытование под видом обрядов одного мазхаба целой «смеси» из норм различных мазхабов. О том, насколько глубоко зашел этот процесс, свидетельствует следующий пример. Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя (ДУМКЧИС) официально объявляет о том, что на его территории традиционным является ханафитский мазхаб. Между тем в публикуемой им литературе нет какого-то единообразия. К примеру, в изданной под редакцией кади ДУМКЧИС И. Бостанова брошюре «О намазе» приводится описание *икамы* (второго призыва на молитву), которая соответствует порядку, принятому в шафиитском мазхабе². В другой же брошюре, изданной уже под редакцией муфтия ДУМКЧИС И. Бердиева, описание *икамы* соответствует правилам ханафитского мазхаба³, но уже в описании порядка самой молитвы говорится: «После прочтения первой суры Корана и следующей короткой, следует произнести: "Аллах Велик!" (Аллаху акбар) с одновременным подниманием рук ладонями к плечам... (разрядка моя. — А.Я.)»⁴, что характеризует как раз последователей шафиитского мазхаба. Это, однако, не мешает руководителям Духовного управления бороться за то, чтобы все мусульмане в подведомственных им общинах следовали правилам ханафитского мазхаба. В марте 1996 г.

IV очередной съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края принял решение «О единообразии в проведении богослужений и обрядности мусульман-суннитов Ханафитского мазхаба в КЧР и Ставропольском крае». В нем, в частности, говорится: «...несмотря на то, что мусульмане КЧР и Ставропольского края являются мусульманами-суннитами Ханафитского мазхаба, в их обрядах и богослужениях наблюдаются некоторые различия. Объясняется это тем, что исторически своего духовного центра на нашей территории никогда не было. Наши отцы, деды и прадеды учились в основном в Дагестане, где распространен ислам шафиғитского мазхаба, и в других местах. Обучаясь в разных школах, они затем и привносили не свойственные Ханафитскому мазхабу обряды и богослужения»⁵. Данным решением была утверждена одноименная *фетва*⁶, которая, однако, свелась в основном к разъяснению вопросов похоронно-поминальной обрядности и не коснулась сути поставленной проблемы.

Зримым выражением отсутствия какой-то религиозной преемственности являются сооружаемые сегодня на Северном Кавказе мечети, архитектура которых характеризуется полнейшим синкретизмом. Например, соборная мечеть в с. Учкеек (Карачаево-Черкесия) отличается оформленным в среднеазиатских архитектурных традициях входом. Строящаяся мечеть в с. Канглы Минераловодского р-на Ставропольского края воплотила в себе соединение трех традиций: среднеазиатской, ближневосточной и турецкой. Один из авторов проекта, Ш. Шалтумаев, признался мне, что его проект стал «сборным», потому что он черпал идеи из самых различных источников. Широко используется также приспособление различных зданий под мечети. К примеру, в селах Каясула и Тукуй-Мектеб Нефтекумского р-на Ставропольского края мечети расположены в бывших зданиях сельмагов, а в г. Тырнауз (Кабардино-Балкария) — в здании Дома культуры. Полное следование старым архитектурным традициям мне встретилось всего один раз — в с. Абрам-Тюбе Нефтекумского р-на, где в строящейся мечети минарет расположен прямо над центром здания, как бы «выходя» из крыши.

На Северо-Западном Кавказе все еще сохраняется масса обычаев, которые мало согласуются с установлениями шариата. В Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае бытует весьма пышная похоронно-поминальная обрядность, требующая значительного финансового напряжения семьи покойного. Особо большие нарекания вызывает обычай устраивать обряд *деур*, который якобы предназначен для выкупа грехов покойного. Устроители обряда высчитывают количество пропущенных обязательных молитв и дней поста и переводят их в материальное выражение. Деньги, полученные с родственников покойного, выносятся в круг, состоящий из участников обряда, в основном мулл и старцев (отсюда название обряда — *деур* — арабск., персидск. «круг»). Иногда по его окончании, вместо того чтобы раздать все деньги в качестве милостыни бедным людям, участники обряда делят их между собой. У карачаевцев существует обычай давать на поминках перед уходом каждому пришедшему «сумку» с продуктами (поэтому местные ваххабиты называют своих противников «сумкачу», т.е. «сумочник»).

Особо ревностно за все эти обычаи держатся представители старшего поколения, тесно связанного узами общинных связей. Молодежь легко порывает с еще не успевшими вовлечь их в свою орбиту общинными связями и поддается влиянию новых идей. Поэтому сегодня в исламской общине Северного Кавказа наблюдается своеобразный конфликт между младшим и старшим поколениями. Зачастую при этом, к сожалению, все те, кто признает необходимость приведения некоторых обычаев в соответствие с нормами ислама, объявляются ваххабитами. Можно себе представить, к каким последствиям это может привести в условиях Северного Кавказа, где это слово стало ругательным, а в Дагестане даже законодательно объявлено вне закона. Например, в уже упомянутом с. Канглы (Ставропольский край) трое братьев Шалтумаевых объявлены ваххабитами⁷. Беседуя с ними, я не обнаружил у них ваххабитских убеждений: все трое живо интересуются историей родного народа, их можно назвать истинными патриотами. Между тем у ваххабитов четкая позиция в данном вопросе: как написано в одном из конспектов ваххабита, исламу противоречит «национализм, отдающий предпочтение арабу-немусульманину по сравнению с мусульманином-неарабом»⁸. Между тем на братьев Шалтумаевых как на последователей ваххабизма уже обрушились репрессии со стороны краевых силовых структур. Думается, что имеется немало и других примеров необоснованного обвинения в приверженности ваххабизму, поскольку уровень компетенции представителей властных структур в данном вопросе, мягко говоря, оставляет желать лучшего. К такому выводу я пришел, общаясь с работниками государственных органов. «Признаками» ваххабизма для некоторых становятся трехдневная щетина, совершение пятикратной молитвы, ревностное следование правилам исламской религии, даже национализм (!).

Сегодня на Северном Кавказе существует реальная угроза скатывания от борьбы с ваххабизмом к банальной исламофобии. Эту опасность отмечают исламоведы, ведущие активные полевые изыскания в

регионе⁹. Такая ситуация вызывает справедливый протест среди мусульман и способствует укреплению позиций ваххабитов. Мусульмане весьма ревностно следят и за тем, как освещают события средства массовой информации; многие во время бесед со мной высказывали возмущение по поводу вольного употребления терминов «исламский экстремизм», «исламский терроризм». «Создается впечатление, — говорил мне раис-имам Адыге-Хабльского р-на (Карачаево-Черкесия) Т. Байдаров, — что в исламе имеется терроризм и экстремизм. Ведь обыватель, читая подобные выражения в газетах, сразу же представляет себе всех мусульман террористами. А ведь ни в Коране, ни в сунне нет ни экстремизма, ни терроризма».

Кое-какие действия властей вызывают у мусульман серьезные опасения. Исламский институт им. имама Абу Ханифы в г. Черкесске, ректором которого является заместитель муфтия ДУМКЧиС Исмаил-хаджи Бостанов, не может получить лицензию на ведение преподавательской деятельности. На практике это означает, что по этому формальному поводу институт можно будет в любой момент закрыть. Та же проблема и в Исламском институте г. Нальчика. Практически все более или менее значимые медресе, которые существовали в населенных пунктах Северо-Западного Кавказа, на сегодняшний день либо закрыты (как в г. Карачаевске), либо свернули свою деятельность (как в с. Первомайское Малокарачаевского р-на КЧР). Фактически чинятся препятствия открытию новых медресе. Например, в уже упоминавшемся с. Канглы община мусульман желает открыть медресе. Никто им открыто не говорит «нет», но один из чиновников администрации Побегайловского сельского совета, к которому относится село, в частной беседе со мной признался, что эта затея безнадежна, поскольку в нынешней ситуации получить разрешение на открытие медресе практически невозможно. По его мнению, у власти сегодня утвердилось мнение о том, что ко всему, что связано с исламом, следует относиться настороженно.

Проведение более глубоких этнографических исследований ислама на Северном Кавказе может значительно обогатить наши знания о религиозной жизни региона. Об этом свидетельствует обнаруженный мной в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии факт празднования здесь мусульманами праздника *ашура* в 10-й день месяца мухаррам, о чем до сих пор не упоминалось в специальной литературе. Ашура отмечается в исламском мире в основном среди шиитов как траур по имаму Хусейну, сыну Али¹⁰. У карачаевцев в этот день наиболее религиозные люди держат добровольный пост. Каждая хозяйка готовит специальное блюдо *ашура джирна*, которое состоит из семи или девяти компонентов: воды, кукурузы, фасоли, риса, перловки, мяса и т.д. Мясо для ашуры оставляют с курбан-байрама, обычно в сушеном виде. Ашура джирна раздается по соседям, так что все пробуют то, что приготовили соседи. У карачаевцев и балкарцев просматривается неясная связь этого праздника с земледельческими обрядами. В Балкарии мне говорили, что в день ашуры встречаются зима и весна (и это несмотря на то, что она празднуется по мусульманскому календарю, а значит, приходится на разное время года!). Более четкая связь ашуры с древними земледельческими культурами была прослежена С.М. Марр на примере иранских мистерий в дни ашуры¹¹. Ждут своего исследователя также множество других исламских обычаев и обрядов народов региона, в том числе похоронно-поминальная обрядность, мавлид (маулуд) и др.

Таким образом, полевое этнографическое исследование ислама сегодня представляется назревшей необходимостью, весьма актуальной не только с научной, но и с практической точки зрения. Только полевые изыскания помогут разобраться в различных течениях, распространенных среди мусульман России, и выработать такую линию поведения органов государственной власти, которая не приводила бы к недовольству среди широких слоев мусульманского населения.

Примечания

¹ Публикация подготовлена при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в рамках Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию. Проект № 57334.

² О намазе (необходимые условия, ракаты), некоторые суры Корана. Б.м., б.г. С. 7.

³ Мусульманину об Исламе. Обряды и молитвы. Черкесск, 1992. С. 23.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Материалы IV очередного съезда мусульман Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края. Черкесск, 1996. С. 16.

⁶ Там же. С. 18–24.

⁷ Им даже была посвящена статья в краевой газете: Рыбалко Е. Не верой единой // Ставропольская правда. 1998. 30 июня. № 139 (21 583).

⁸ Сулейман Абу Рамиз. Записи 1997 г. Личный архив автора.

⁹ См., напр.: Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2(8). С. 149–169.

¹⁰ Кушев В.В. Ашура // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 33.

¹¹ Марр С.М. Мохаррам (Шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии / Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 26. Л., 1970. С. 313–366.

© 2001 г., ЭО, № 3

О.В. Горшунова

ОТЫНЧА

В моем выступлении речь пойдет о женщинах-мусульманках, профессионально занимающихся религиозно-просветительской и обрядовой деятельностью (*отынча/бибиотун*). Эта тема вписывается в рамки одного из направлений отечественной этнографии, которое сейчас принято называть «традиционным». В последние годы число подобных исследований значительно сократилось, что стало закономерным следствием перемен, происходящих в нынешнем российском обществе вообще и в научном мире в частности. Многие этнографы, как и другие гуманитарии, избрали для себя иные, «нетрадиционные» направления, отличающиеся от работ предшествующего периода тематически, концептуально, методологически.

Одна из наиболее ярких тенденций, которая проявилась в современном российском обществе и не обошла стороной научную интеллигенцию, – высокая степень политизированности. Для многих исследований характерно акцентирование политического и социального аспектов. Другая тенденция, заметно обогнавшаяся в отечественной науке, охватывает довольно широкий ряд исследований, ориентированных на различные западные методики, что также объяснимо с точки зрения возросшего интереса российской общественности к «буржуазной» науке и расширения контактов России с Западом. Эти исследования, несомненно, обогащают отечественную науку; тем не менее досадно, что внимание исследователей к традиционной этнографии, акцентирующей этнокультурный аспект, заметно ослабло.

Между тем это актуально не только с научно-познавательной, но и с практической точки зрения, особенно в отношении народов мусульманских регионов, где этнический фактор выступает мощным двигателем всех процессов – экономических, политических, социальных, культурных и т.д. Кроме того, многие заслуживающие внимания исследователей явления до сих пор не изучены или изучены недостаточно. К ним, в частности, относится объект нашего исследования. Хотя сведения об этом персонаже встречаются в научной литературе, они чрезвычайно скудны¹. В одном сообщении, разумеется, невозможно всесторонне исследовать данную тему, наша цель – лишь внести посильный вклад в ее разработку и привлечь к ней внимание. В статье использованы материалы, полученные главным образом в Ферганской обл. Узбекистана в ходе полевых исследований автора.

В иерархии мусульманского духовенства отынча занимает низшую ступень, однако ее деятельность чрезвычайно важна. Отынча – единственный «профессиональный» источник религиозного знания, доступный женщинам, и единственная «должность», доступная женщине в мусульманской духовной иерархии. По роду деятельности отынча близка учителю религиозной начальной школы – *мулле (домулле)*. Однако статус отынчи всегда был ниже статуса муллы. В прошлом столетии, по свидетельству В. и М. Наливкиных, отынча за обучение детей получала вдвое меньшее вознаграждение, чем мулла². Неравное положение сохраняется и в настоящее время. По данным наших полевых исследований, мулла получает денежную оплату из доходов мечети или от частных лиц по договоренности. Отынчу же вознаграждают учащиеся в зависимости от их возможностей или желания разного рода подношениями (продукты, одежда, хозяйственно-бытовые предметы и т.п.). Кроме того, территориально деятельность отынчи отделена от религиозных институтов и организаций: она проводит обучение на дому. Это неравенство обусловлено принципом разделения сфер деятельности мужчин и женщин, а также ограничением полномочий женщин, распространяющимся в том числе и на религиозную сферу.